

Методики диагностики интерперсональных отношений
Interpersonal Relationship Measures

ПРОЕКТИВНАЯ МЕТОДИКА «ПРОСТРАНСТВО ДЕРЕВА И СВЕТА» КАК НАВИГАТОР ПО ДЕТСКОМУ ОПЫТУ ОТНОШЕНИЙ В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ У ВЗРОСЛЫХ

М.А. ОДИНЦОВА

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>,
e-mail: mari505@mail.ru

Д.В. ЛУБОВСКИЙ

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>,
e-mail: lubovsky@yandex.ru

Е.С. ГУСАРОВА

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6968-5253>,
e-mail: bondarevae@fdomgppu.ru

П.А. ИВАНОВА

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6343-4979>,
e-mail: ivanova.polina.andreevna@gmail.com

Цель. Проведение эмпирической валидации проективной методики К. Адамс «Пространство дерева и света». **Метод.** В исследовании приняли участие 298 человек, из них 245 женщин и 53 мужчины в возрасте от 18 до 65 лет ($M = 33,89$, $SD = 12,7$). Использовались методики: опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» А.Б. Холмогоровой, С.В. Воликовой, М.Г. Сороковой; опросник «Опыт близких отношений» К.А. Чистопольской и соавторов; проективная методика «Пространство дерева и света» К. Адамс. **Результаты и выводы.** Результаты, полученные по проективной методике «Пространство дерева и света», хорошо согласуются с характеристиками семейных дисфункций и проявлениями эмоциональной привязанности взрослых в близких отношениях. Статистический анализ данных показал, что для групп респондентов, выбравших картинку, символизирующую тот или иной вариант духовного мира ребенка, характерны специфические профили семейных эмоциональных коммуникаций и опыта близких отношений. Прояснить эти особенности помогают ответы на дополнительные вопросы к методике. Выбор картинки, символизирующей ту или иную социальную ситуацию развития в родительской семье, выступает своеобразной эвристикой, позволяющей строить гипотезы об особенностях семейных эмоциональных коммуникаций и об опыте выстраивания близких отношений. Методика «Пространство дерева и света» может углубить эмпирические исследования и пополнить арсенал техник и методик в практической деятельности психологов.

Ключевые слова: проективная методика «Пространство дерева и света», семейные эмоциональные коммуникации, семейные дисфункции, опыт близких отношений.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00820 «Психологические ресурсы социально уязвимых групп в условиях вызовов современности (на примере лиц с инвалидностью и их семей)».

Для цитаты: Одинцова М.А., Лубовский Д.В., Гусарова Е.С., Иванова П.А. Проективная методика «Пространство дерева и света» как навигатор по детскому опыту отношений в родительской семье у взрослых // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Том 30. № 3. С. 68—91. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300305>

THE PROJECTIVE TECHNIQUE «SPACE OF TREES AND LIGHT» AS A NAVIGATOR OF CHILDHOOD EXPERIENCE OF FAMILY RELATIONSHIPS IN ADULTS

MARIA A. ODINTSOVA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>,

e-mail: mari505@mail.ru

DMITRY V. LUBOVSKY

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>,
e-mail: lubovsky@yandex.ru

ELENA S. GUSAROVA

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6968-5253>,
e-mail: bondarevae@fdomgppu.ru

POLINA A. IVANOVA

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6343-4979>
e-mail: ivanova.polina.andreevna@gmail.com

Aim. Empirical validation of the projective technique of K. Adams «Space of Trees and Light». **Method.** The study involved 298 people, including 245 women and 53 men aged 18 to 65 years (average age 33.89+12.7). There were used the following methods: Questionnaire «Family Emotional Communications» by A.B. Kholmogorova, S.V. Volikova, M.G. Sorokova; Questionnaire «Experience in Close Relationships» by K.A. Chistopolskaya and co-authors; projective technique «Space of Trees and Light» by K.Adams. **Results and conclusions.** The results given by the projective technique «Space of Trees and Light» are in correlations with the characteristics of family dysfunctions and displays of emotional attachment of adults in close relationships. Statistical analysis of the data showed that the groups of respondents who chose a picture symbolizing one or another version of the child's spiritual world are characterized by specific profiles of family emotional communications and the experience in close relationships. Answers to additional questions to the technique help to clarify these features. The choice of a picture that symbolizes one or another social situation of development in the parental family acts as a kind of heuristic that allows one to build hypotheses about the features of family emotional communications and about the experience in building close relationships. The technique «Space of Trees and Light» can deepen empirical research and replenish the arsenal of techniques and methods in the practical activities of psychologists.

Keywords: projective technique «Space of Trees and Light», family emotional communications, family dysfunctions, experiences in close relationships.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 22-28-00820 (Psychological resources of socially vulnerable groups in the face of modern challenges (on the example of people with disabilities and their families)).

For citation: Odintsova M.A., Lubovsky D.V., Gusarova E.S., Ivanova P.A. The Projective Technique «Space of Trees And Light» as a Navigator of Childhood Experience of Family Relationships in Adults. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2022. Vol. 30, no. 3, pp. 68—91. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2022300305> (In Russ.).

Введение

Родительская семья является важнейшим, базовым институтом первичной социализации, предоставляет взрослому человеку первый опыт встречи с культурными ценностями, традициями, духовностью, опыт социальных отношений; она становится условием развития личности в настоящем и будущем, а также жизненно важным ресурсом защиты от воздействия неблагоприятных событий. Опыт отношений в родительской семье рассматривается как «интегративный экзистенциальный феномен, который отражает всю систему взаимосвязей между членами семьи и может субъективно переживаться человеком как благоприятный или неблагоприятный, позитивный или негативный» [5, с. 63]. Большинство исследований сосредоточено на негативном детском опыте взрослых в силу устоявшегося убеждения в том, что никакая другая социальная ситуация развития не может так навредить человеку, как семейная дисфункция. В условиях семейных дисфункций формируется ненадежная привязанность [20], отсутствует гибкость ролей, подвижность и гуманность семейных правил, размыты или, напротив, непроницаемы границы, не ценится открытость, поощряется либо бунтарство, либо зависимость и покорность [10].

Неблагоприятный детский опыт (переживание множества травматических и стрессовых событий, дисфункциональная среда, нарушения родительского поведения, отсутствие надежной привязанности и т.п.) может стать причиной психических и физических заболеваний, зависимостей взрослых, нарушений отношений в своих семьях [25], политравматизации и виктимизации на протяжении всей жизни [17]. Негативный семейный опыт может выступать предпосылкой слабого физического и психического здоровья, рискованного поведения (употребление наркотиков, суицидальные попытки), предпосылкой отсутствия физической активности) [18]; увеличивать вероятность возникновения стрессов, психотравм, развития ПТСР и диссоциативной симптоматики во взрослом возрасте [15]; обуславливать возникновение хронических проблем с психическим здоровьем (хроническая усталость, проблемы со сном и т. п.) [24]; снижать способности к восстановлению у потомков в результате дисфункционального воспитательного поведения родителей, хотя и не провоцировать повышенный уровень психопатологии [19].

Наряду с этим показано, что позитивные и доверительные отношения с окружающими, более высокий уровень самопринятия и способность управлять своей жизнью формируются при благоприятном опыте отношений в родительской семье [3]. Качество отношений между родителями и детьми, воспринимаемая забота, адекватный контроль могут иметь краткосрочные и долгосрочные последствия для психологическо-

го благополучия взрослых, способствуют успешному психологическому функционированию на протяжении всей жизни до седьмого десятилетия включительно [23].

Таким образом, положительный детский опыт может ослаблять воздействие неблагоприятных обстоятельств, повышать психологическую устойчивость и благополучие взрослых [21]. Напротив, негативный опыт взаимоотношений в родительской семье может становиться предпосылкой многочисленных рисков в развитии взрослого человека, быть предиктором проблем в семейной жизни — спутанной коммуникации, дисфункциональных границ, неблагоприятных сценариев семейной жизни, и не только собственной, но и будущей семейной жизни детей.

Изучение как благоприятного, так и неблагоприятного опыта отношений в семьях привлекает особое внимание психологов, так как в некоторой степени помогает прогнозировать благополучие/неблагополучие в семейной жизни взрослых и предотвращать негативные последствия. Для этого чаще всего используются количественные методы исследования. Но современная наука требует большей гибкости, эффективности, безопасности и применимости диагностических процедур на практике. Как в отечественной [8], так и в зарубежной традиции все настойчивей звучат идеи об использовании смешанного дизайна в исследованиях [22] и включении, например, проективных методик. Это стимулирует появление новых идей, дополняет знания, обогащает результаты, полученные при помощи стандартных процедур, открывает новые возможности для психологической практики. Проективные методики действительно позволяют получить много дополнительной информации, но при использовании без стандартизированных диагностических процедур их результаты оказываются недостаточно достоверными. Проективные методы, обращенные к бессознательным механизмам человеческой психики, и стандартизованные, предполагающие строгость в оценках, создают целостную картину для анализа и интерпретации результатов.

В психологическом консультировании взрослых людей чаще всего необходима диагностика особенностей внутреннего мира человека, обусловленных опытом взаимоотношений в родительской семье. К. Адамс [14] была предложена проективная методика, направленная на изучение особенностей духовного опыта и переживаний, обусловленных детскими взаимоотношениями в их связи с семейными традициями и культурой. Это оригинальная, простая и доступная процедура, основанная на метафорах пространств дерева и света, позволяет лучше понять не только особенности связи с традициями и культурой, но и определить доминирующую модальность эмоций и чувств, связанных с духовным опытом детства. Имеется небольшой опыт применения данной методики в тренингах [9], где были обнаружены ее большие диагностические

возможности, особенно ценные для практики групповой и индивидуальной работы. Методика прекрасно зарекомендовала себя как средство исследования особенностей внутреннего мира взрослого человека, связанных с опытом взаимоотношений в детстве. Однако ее валидизация за рубежом и в нашей стране до сих пор не проводилась.

Цель исследования: эмпирическая валидизация проективной методики К. Адамс «Пространство дерева и света».

Гипотеза: проективная методика К. Адамс «Пространство дерева и света» применима как навигатор по детскому опыту отношений в родительской семье взрослых, а также является валидным инструментом и средством выявления особенностей семейных эмоциональных коммуникаций и построения гипотез об опыте близких отношений.

Метод

Выборка

В исследовании, на основе которого проведена валидизация методики, приняли участие 298 человек, из них 245 женщин и 53 мужчины в возрасте от 18 до 65 лет ($M = 33,89$; $SD = 12,7$). Большинство (185 — 62,1%) — с высшим образованием. Около половины выборки (47,7%) работают, более трети (34,9%) учатся; 5,4% совмещают работу и учебу; 12,1% — в декретном отпуске или на пенсии. 41,6% состоят в браке 17,1% — в незарегистрированном браке, 35,2% не состоят в браке и 6,0% — в разводе. 14,4% имеют инвалидность. Около половины выборки (47,3%) имеют детей, в том числе 7,7% имеют ребенка с инвалидностью.

Исследование было проведено с помощью яндекс-формы. Участники получали ссылку на онлайн-опрос, которая распространялась через социальные сети. Все участники получали информацию о целях исследования и давали информированное согласие на участие в нем. Исследование было одобрено Этическим комитетом МГППУ (протокол № 12 от 15.03. 2022).

Методики

Методики для исследования предъявлялись в следующем порядке:

- 1) социо-биографическая анкета (пол, возраст, образование, занятость, супружеский статус, наличие/отсутствие инвалидности в семье);
- 2) опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) [12];
- 3) опросник «Опыт близких отношений» [13];
- 4) проективная методика «Пространство дерева и света» [14].

При проведении исследования по методике К. Адамс участникам предлагалось 4 картинки с разными соотношениями света и тьмы, на

которых изображены деревья и ребенок. Эти картинки были выбраны К. Адамс на основе знакомых детям символов, представленных в рассказах и сказках. Картинки символизируют разные пространства, в которых могут оказаться дети (рис. 1).

На первой, названной автором «*Живое пространство*», изображен ребенок, сидящий около величественного дерева, корни которого уходят глубоко в землю, а большая крона служит защитой. Это самое яркое из пространств, символизирующее прочную основу и защиту. На второй картинке «*Мерцающее пространство*» изображен темный густой лес, дорога, по которой идет ребенок, поддерживаемый взрослым, и свет, который пробивается сквозь деревья, освещая путникам дорогу. По мнению К. Адамс, это пространство символизирует стремление к пониманию своей культуры и традиций при поддержке взрослого. На третьей картинке «*Непрозрачное пространство*» изображены сумерки, солнце уходит за горизонт, практически не видно дерева, но хорошо различим темный силуэт ребенка. Картина символизирует одиночество, тревогу, беспокойство и страх. Традиции еще присутствуют, но есть разрывы, противоречия и нет ощущения поддержки. Четвертая картинка изображает «*Невидимое пространство*» с деревьями в тумане, на картине нет ребенка. Иллюстрация символизирует сомнения, неприятие других, отдаленность от традиций и культуры, «утрату корней».

Рис. 1. Стимульный материал методики К. Адамс «Пространство дерева и света»

Инструкция звучала следующим образом: «Пожалуйста, внимательно рассмотрите 4 картинки. Какая из них лучше всего отражает период Вашего детства? Выберите соответствующую картинку». После того, как сделан выбор одной из картинок, задавалось три вопроса, которые помогали человеку описать эмоции и чувства, вызванные выбранной им иллюстрацией: «Что чувствует ребенок на картинке, которую Вы выбрали? О чем думает ребенок на картинке, которую Вы выбрали? Что делает ребенок на картинке, которую Вы выбрали?»

Участники исследования давали письменные ответы на три вопроса по выбранной ими картинке.

Для *теоретического обоснования* методики К. Адамс нами был выбран подход, разработанный Н.С. Бурлаковой и В.И. Олешкевичем, которые приняли концепцию диалогизма М.М. Бахтина как общенаучно-методологическую основу, а культурно-историческую теорию Л.С. Выготского как конкретно-научную [1]. Обследование ребенка при помощи «Детского апперцептивного теста» (САТ) они интерпретировали как актуализацию диалогических структур детского самосознания, а роль психолога — как посредника в процессе актуализации: «...мы задаем вопросы и даем ребенку другие средства, которые позволяют ему вынести вовне его внутренний опыт, посредством чего мы получаем к нему определенный доступ, а также создаем условия для систематического выражения переживаний ребенка» [1, с. 154]. Позднее Н.С. Бурлакова и В.И. Олешкевич акцентировали значение теории Л.С. Выготского в исследовании внутреннего мира человека не только в детстве: «В рамках культурно-исторической психологии в целом индивидуальный случай — это всегда развертывание истории жизни человека в обществе; соответственно он предполагает как генетический, так и культурологический анализ, как анализ культурной среды развития, так и изучение инкорпораций этой внутренней среды в развитие индивидуального самосознания и на этой основе понимание его функционирования, воспроизводства, развития» [2, с.157]. С этой точки зрения, выбор картинки и ответы на вопросы психолога представляют собой актуализацию и развертывание диалогических взаимоотношений человека с его культурной средой развития в детстве.

Как средство *эмпирической валидации* методики К. Адамс был применен опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» (СЭК) [12], предложенный А.Б. Холмогоровой и С.В. Воликовой. Опросник состоит из 30 пунктов, входящих в состав семи шкал: «Родительская критика», «Индукция тревоги в семье», «Элиминирование эмоций в семье», «Фиксация на негативных переживаниях», «Стремление к внешнему благополучию (враждебность и фасад)», «Сверхвключенность» и «Семейный перфекционизм». Мы исходили из предположения о том, что параметры эмоциональной семейной коммуникации, представленные шкалами опросника, являются существенными аспектами

социальной ситуации развития человека в семье, оказывающими влияние на его внутренний мир и проявляющимися в выборе тех или иных символов для выражения особенностей эмоциональной и духовной жизни в детстве. В эмпирической валидации проективной методики К. Адамс применен также переработанный опросник «Опыт близких отношений» [13] для изучения двух проявлений эмоциональной привязанности взрослых: тревожности и избегания.

Результаты

В настоящем исследовании использовался дизайн, в котором применялись как качественные, так и количественные подходы. Была реализована аналитическая стратегия для понимания выбора картинок и тех переживаний (эмоций и чувств), которыми этот выбор сопровождался. Выбор картинки и письменные ответы на вопросы интерпретировались нами как имеющие отношение к периоду детства и отражающие существенные характеристики социальной ситуации развития в родительской семье. Прежде всего мы сосредоточились на кодировании эмоций для изучения детского опыта отношений взрослых в родительской семье. При первичном ознакомлении с данными четыре эксперта читали все тексты, полученные от участников, затем кодировали каждый ответ, используя синтез теоретического и индуктивного (направляемого текстом) подходов. Кодирование на основе подхода Б.И. Додонова [4] было сфокусировано на предпочтении определенных эмоциональных переживаний на основе ценностного отношения к ним, их общей направленности, являющихся социально обусловленными. Кодирование на основе индуктивного подхода позволило выявить все остальные темы с учетом описания респондентами не только эмоций и эмоциональных состояний, но мыслей и действий. Ответы на вопросы о мыслях и действиях анализировались для уточнения эмоций и чувств респондентов. Затем эксперты сопоставляли и обсуждали выделенные темы, устраняя расхождения. Было выделено 9 тематических категорий, каждому ответу присвоено условное обозначение от 1 до 9, при отсутствии ответа 0.

Для иллюстрации каждой категории приводим цитаты из высказываний респондентов:

1) экзистенциальные отрицательные («пустота, безнадежность бытия»; «неопределенность, тоска, неясность мира»; «страх, неизвестность, безвыходность»; «одиночество, тоска, вялость, поиск смысла жизни» и т. п.);

2) социальные отрицательные («тоска по маме»; «одиночество, ему не к кому идти за поддержкой»; «одиночество, что он никому не нужен»; «плохое настроение и агрессия в свой адрес»; «страх, тревога, онемение; хочет быстрее выбраться из социального взаимодействия» и т. п.);

3) эмоциональные состояния отрицательные («тоска»; «страх и одиночество»; «одиночество, тоска и подавленность»; «грусть» и т. п.)

4) нейтральные («уединение»; «пустота»; «одиночество»; «мир грез и мечты»; «свобода» и т. п.);

5) множественные («одиночество и тревожный покой»; «умиротворение и глубокое одиночество»; «скука, интерес, одиночество»; «тишина, спокойствие, стойкость, мир»; «умиротворение, но нет настроения» и т. п.);

6) эмоциональные состояния положительные («радость, счастье»; «спокойствие»; «спокойствие и увлеченность»; «умиротворение и беззаботность»; «близость с природой и безмятежность»; «тепло, комфорт, спокойствие» и т. п.);

7) социальные положительные («радость, что идет вместе с отцом»; «любовь, близость, поддержка и защищенность родителя»; «спокойствие и защита родителя»; «забота, тепло и поддержка взрослого» и т. п.);

8) интеллектуальные («интересно»; «интерес к книге и к информации»; «увлеченность и интерес»; «удовольствие от чтения»; «непознанность мира, жажда знаний»; «сосредоточенность, внимательность» и т. п.);

9) экзистенциальные положительные («умиротворение и созерцание жизни»; «самостоятельность и поиск смысла жизни»; «поиск себя и будущего»; «сила природы» и т. п.).

Соотношение выбора картинок и содержания эмоций и чувств, которые описаны участниками исследования, представлено в табл. 1.

Таблица 1
Соотношение выбора картинок и содержания эмоций и чувств
в ответах участников исследования

Категории эмоций и чувств	«Живое пространство»	«Мерцающее пространство»	«Непрозрачное пространство»	«Невидимое пространство»
0	7	4	2	4
1	0	1	7	13
2	3	2	9	7
3	0	3	3	5
4	4	1	15	4
5	3	0	2	1
6	89	3	11	1
7	6	40	0	0
8	18	0	17	1
9	2	0	5	2
Всего	132	57	71	38

Выявлены различия в выборе картинок и направленности эмоций и чувств, названных участниками исследования ($\chi^2 = 339,106$; $p = 0,000$); хотя достоверность выводов по критерию χ^2 в данном случае ограничена тем, что в некоторых строках таблицы сопряженности ожидаемая частота меньше 5. Мы видим, что картинка 1 «Живое пространство» символизировала для значительной части участников детство, насыщенное положительными эмоциями и чувствами (радость, безмятежность, счастье, спокойствие, беззаботность и т. п.); для значительно меньшей группы — радость познания (интерес, вызванный чтением). Большинство участников исследования, выбравшие картинку 2 «Мерцающее пространство», называли в связи с ней положительные эмоции, вызванные социальной ситуацией развития ребенка (поддержка родителей, забота, любовь, надежность). У большинства участников, которые выбрали «Непрозрачное пространство», детство ассоциировалось с негативными социальными эмоциями, чаще всего с одиночеством и непониманием значимыми близкими, еще чаще с широким спектром эмоций и чувств, как позитивных, так и негативных, а также с положительными чувствами (спокойствие, умиротворение, свобода, уединение) и с радостью познания. Выбор «Невидимого пространства» чаще ассоциировался с негативными эмоциями экзистенциального содержания (неопределенность, призрачность мира, экзистенциальная тревога и т. п.), а также с негативными социальными эмоциями (чаще всего с одиночеством) и с отрицательными эмоциональными состояниями (страх, тоска, подавленность, грусть и т. п.).

Перед началом эмпирической валидации методики К. Адамс была проведена проверка данных на предмет различий в выборе стимульных картинок в зависимости от социально-биографических характеристик респондентов. Различий по полу ($\chi^2 = 3,988$; $p = 0,263$), уровню образования ($\chi^2 = 8,327$; $p = 0,215$); статусу занятости ($\chi^2 = 8,837$; $p = 0,452$); супружескому статусу ($\chi^2 = 9,662$; $p = 0,379$); наличию/отсутствию в семье детей ($\chi^2 = 3,665$; $p = 0,300$); наличию/отсутствию в семье инвалидности ($\chi^2 = 3,974$; $p = 0,264$) — не обнаружено.

Сравнение средних показателей по опроснику «СЭЖ» между подгруппами участников исследования, которые выбрали разные картинки методики К. Адамс, показало, что значимые различия имелись по всем шкалам, кроме «Сверхвключенность», «Индукция тревоги», «Семейный перфекционизм»; поэтому в дальнейшем характеристика семейных эмоциональных коммуникаций для каждой из подгрупп была дана на основе суммарного показателя семейной дисфункции и четырех субшкал. Результаты обработки данных представлены в табл. 2 и на рис. 2.

Т а б л и ц а 2

Показатели по опроснику «СЭК» в зависимости от выбора картинок

Показатели (значения сравнительного анализа Краскела—Уоллиса)	Кар- тинка	М	SD	Значения попарного сравнительного анализа Манна—Уитни*
Родительская критика ($N = 31,05$; $p = 0,000$; $\varepsilon^2 = 0,105$)	1	9,0	4,1	$U(1, 2) = 2968,5$; $p = 0,000$; $r = 0,367$
	2	8,1	5,1	$U(1, 4) = 1551,5$; $p = 0,000$; $r = 0,381$
	3	11,6	4,4	$U(2, 3) = 1218,0$; $p = 0,000$; $r = 0,398$
	4	12,1	5,2	$U(2, 4) = 623,0$; $p = 0,000$; $r = 0,425$
Индуцирование тревоги в семье ($N = 4,47$; $p = 0,215$; $\varepsilon^2 = 0,015$)	1	9,0	3,0	
	2	9,6	3,3	
	3	9,3	3,0	
	4	8,0	4,2	
Элиминирование эмоций ($N = 42,90$; $p = 0,000$; $\varepsilon^2 = 0,144$)	1	7,9	3,5	$U(1, 2) = 2892,0$; $p = 0,011$; $r = 0,231$
	2	6,4	3,8	$U(1, 3) = 2908,5$; $p = 0,000$; $r = 0,379$
	3	10,2	3,6	$U(1, 4) = 1634,5$; $p = 0,001$; $r = 0,348$
	4	10,3	3,7	$U(2, 3) = 897,0$; $p = 0,000$; $r = 0,557$ $U(2, 4) = 495,5$; $p = 0,000$; $r = 0,542$
Фиксация на негативных эмоциях ($N = 8,81$; $p = 0,032$; $\varepsilon^2 = 0,030$)	1	4,2	1,7	$U(1, 4) = 1885,0$; $p = 0,018$; $r = 0,395$
	2	4,6	2,1	$U(2, 4) = 735,5$; $p = 0,008$; $r = 0,321$
	3	4,1	1,9	
	4	3,5	2,4	
Внешнее благополучие (враждебность и фасад) ($N = 14,16$; $p = 0,003$; $\varepsilon^2 = 0,048$)	1	4,9	2,2	$U(1, 3) = 3643,0$; $p = 0,008$; $r = 0,223$
	2	5,2	2,0	$U(1, 4) = 1705,0$; $p = 0,002$; $r = 0,320$
	3	5,8	1,9	$U(2, 4) = 768,0$; $p = 0,015$; $r = 0,291$
	4	6,1	2,5	
Сверхвключенность ($N = 0,63$; $p = 0,889$; $\varepsilon^2 = 0,002$)	1	4,1	1,9	
	2	4,1	2,2	
	3	4,2	2,0	
	4	4,1	2,7	

Показатели (значения сравнительного анализа Краскела—Уоллиса)	Кар- тинка	М	SD	Значения попарного сравнительного анализа Манна—Уитни*
Семейный перфекционизм ($H = 4,05$; $p = 0,256$; $\varepsilon^2 = 0,014$)	1	5,2	1,8	
	2	5,4	2,3	
	3	5,7	1,7	
	4	5,1	2,1	
Общий показатель семей- ных дисфункций ($H = 25,11$; $p = 0,000$; $\varepsilon^2 = 0,085$)	1	44,5	10,7	$U(1, 3) = 2918,0$; $p = 0,000$; $r = 0,377$
	2	43,5	11,4	$U(1, 4) = 1924,5$; $p = 0,029$; $r = 0,233$
	3	50,9	10,9	$U(2, 3) = 1182,0$; $p = 0,000$; $r = 0,416$
	4	49,2	14,5	$U(2, 4) = 790,5$; $p = 0,026$; $r = 0,270$

Примечание: 1 — картинка «Живое пространство»; 2 — картинка «Мерцающее пространство»; 3 — картинка «Непрозрачное пространство»; 4 — картинка «Невидимое пространство»; «*» — представлены только значимые различия; в скобках указаны номера сравниваемых картинок; ε^2 , r — размер эффекта.

Для каждой из четырех подгрупп, выделенных в зависимости от выбора картинки методики К. Адамс, был построен профиль семейных эмоциональных коммуникаций по данным одноименного опросника. Результаты представлены на рис. 2.

Для участников исследования, выбравших «Живое пространство» характерны средние показатели семейной дисфункции, родительской критики, элиминирования эмоций и внешнего благополучия в сочетании с незначительно выше среднего уровнем фиксации на негативных переживаниях. Это сочетание показателей проясняют высказывания респондентов, в которых, наряду с ярко выраженными положительными эмоциями, иногда заметна склонность к уединению от тревог и забот («... он сидит сам по себе, один, в красивом месте, которое сам себе попытался создать»).

Группа респондентов, выбравших «Мерцающее пространство», характеризуется наименьшим уровнем элиминирования эмоций, показателями семейной дисфункции, родительской критики и внешнего благополучия ниже среднего, но повышенным уровнем фиксации на негативных переживаниях. Здесь сочетание показателей складывается в целостную картину родительского беспокойства, открытого обсуждения эмоций и чувств, в том числе негативных, в сочетании с принятием ребенка таким, как есть и, судя по содержанию ответов на вопросы, высоким уровнем родительской поддержки («чувствует поддержку и опору родителя»; «с родителем безопасно и всегда найдется выход из сложной ситуации»).

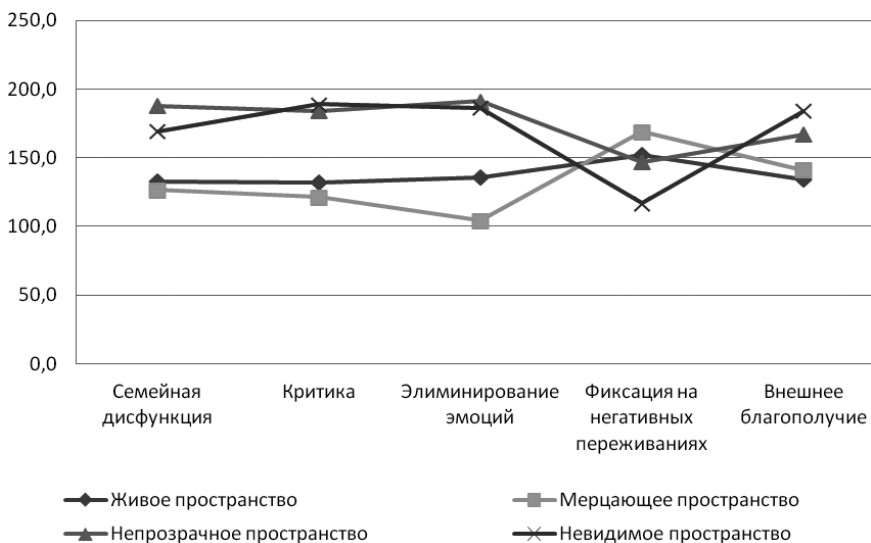

Рис. 2. Профили эмоциональной семейной коммуникации в зависимости от выбора картинок (пространств)

Для участников исследования, выбравших «Непрозрачное пространство», характерны высокие показатели семейной дисфункции и элиминирования эмоций, показатель родительской критики выше среднего, сравнительно низкий уровень фиксации на негативных переживаниях в сочетании со средним уровнем показателя «Внешнее благополучие». Характеристики складываются в довольно целостную картину, где выслушивание критики со стороны родителей и их склонность элиминировать негативные эмоции сочетаются с избеганием фиксации на негативе, что, вероятно, сформировало некоторую склонность к эскапизму, если судить по высказываниям респондентов («Ему хорошо самому с собой и своими делами»).

Наконец, группа респондентов, выбравших «Невидимое пространство», имеет повышенный уровень семейной дисфункции, высокие показатели родительской критики, элиминирования эмоций и внешнего благополучия в сочетании с низким уровнем фиксации на негативных переживаниях. Такой профиль может быть характерен для семейной коммуникации, где резкая критика со стороны родителей сочетается со склонностью к сдерживанию эмоциональных проявлений, причем как негативных, так и позитивных, в сочетании с запретом на «вынос сора из избы». Результаты такого опыта эмоциональных отношений проясняют высказывания респондентов, например: «Стушающиеся краски, плохое настроение, неясность, агрессия».

Данные по опроснику «Опыт близких отношений» [13] также показали, что методика К. Адамс обладает эмпирической валидностью. По обоим шкалам методики, а также по суммарному показателю были выявлены выраженные межгрупповые различия. Результаты представлены в табл. 3 и на рис. 3.

Таблица 3

**Показатели по опроснику «Опыт близких отношений»
в зависимости от выбора картинок**

Показатели (значения сравнительного анализа Краскела—Уоллиса)	Кар- тинка	M	SD	Значения попарного сравнительного анализа Манна—Уитни*
Тревожность ($N = 18,52$; $p = 0,000$; $\varepsilon^2 = 0,062$)	1	18,3	9,6	$U(1, 3) = 3869,5$; $p = 0,040$; $r = 0,174$
	2	16,9	11,4	
	3	20,9	9,6	$U(1, 4) = 1624,0$; $p = 0,001$; $r = 0,352$
	4	26,6	14,2	
Избегание ($N = 13,20$; $p = 0,004$; $\varepsilon^2 = 0,044$)	1	17,9	7,4	$U(1, 3) = 3574,5$; $p = 0,005$; $r = 0,237$
	2	16,9	10,3	
	3	21,6	8,8	$U(2, 3) = 1437,5$; $p = 0,005$; $r = 0,290$
	4	21,2	10,4	
Опыт близких отношений ($N = 18,34$; $p = 0,000$; $\varepsilon^2 = 0,062$)	1	36,2	15,2	$U(1, 3) = 3649,0$; $p = 0,009$; $r = 0,221$
	2	33,8	20,9	
	3	42,2	16,0	$U(1, 4) = 1689,5$; $p = 0,002$; $r = 0,326$
	4	47,8	22,5	
				$U(2, 3) = 1436,0$; $p = 0,005$; $r = 0,290$ $U(2, 4) = 675,0$; $p = 0,002$; $r = 0,377$

Примечание: 1 — картинка «Живое пространство», 2 — картинка «Мерцающее пространство», 3 — картинка «Непрозрачное пространство», 4 — картинка «Невидимое пространство»; «*» — представлены только значимые различия; в скобках указаны номера сравниваемых картинок; ε^2 , r — размер эффекта.

Для каждой из групп участников исследования в зависимости от выбора картинки по методике К. Адамс, характерен свой профиль опыта близких отношений (рис. 3).

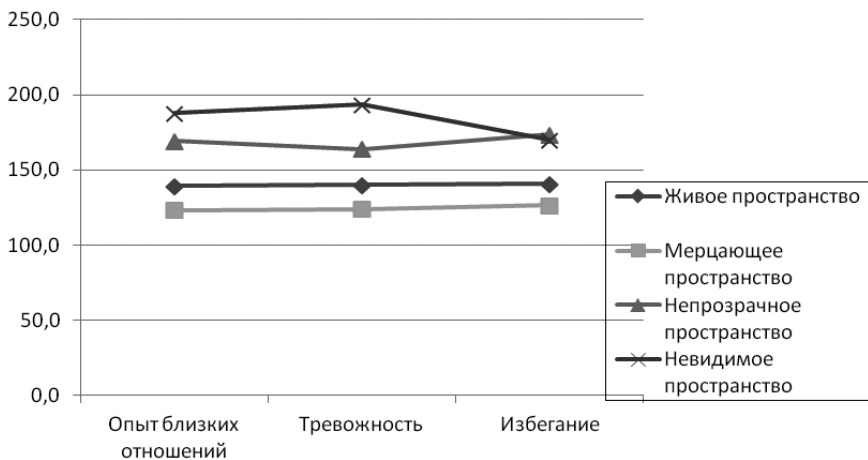

Рис. 3. Опыт близких отношений в зависимости от выбора картинок (пространств)

Мы видим, что более всего похожи профили отношений респондентов, выбравших картинки, иллюстрирующие «Живое» и «Мерцающее» пространства. Показатели группы, выбравшей «Непрозрачное пространство» выше по всем параметрам в сравнении с первыми двумя группами, а уровень избегания у них выше уровня тревожности. Для группы, которая выбирала «Невидимое пространство», характерен самый высокий уровень тревожности и почти такой же уровень избегания, как и для группы, выбирающей «Непрозрачное пространство».

Обсуждение результатов

Проведенное нами исследование доказало валидность методики К. Адамс в изучении опыта близких отношений взрослых и эмоциональных аспектов социальной ситуации развития в родительской семье. Каждый из выборов пространств характеризует определенную внутреннюю позицию в системе отношений в семье и, прежде всего, ее эмоциональные аспекты [6]. Понимание внутренней позиции, как соотношения во внутреннем плане ведущих потребностей человека и возможностей их реализации в деятельности [7], позволяет дать характеристику каждого из четырех пространств с опорой на психологические интерпретации шкал стандартизованных опросников, применяемых как средства валидации, и проиллюстрировать эти варианты внутренней позиции высказываниями респондентов и цитатами из художественной литературы.

1. *«Живое пространство»*. «Здесь светло и уютно, как бывает только в детстве, когда приедешь к бабушке на каникулы». «Вначале был сад. Детство было садом» [11, с. 40]. «Тебя принимают таким, как есть, претензии и замечания старших — только когда есть за что. Никто не подавляет своих чувств и не мешает тебе выражать их. И никто не стремится показывать всем вокруг, что у нас идеальная семья. Семья как семья, как все, не лучше всех, и, конечно, не хуже всех. Конечно, иногда тревожно, например, когда родители открыто говорят о своих неприятностях. Зато их так легче понять. И, похоже, они чувствуют в себе силы справляться со всеми бедами. Они не очень-то застревают на негативном. А когда хочется, чтобы тебя оставили в покое, всегда можно посидеть с книгой, увлекшись тем, что там рассказывается».

2. *«Мерцающее пространство»*. «В нашей семье все обсуждается открыто — тревоги, заботы, беспокойства. Старшие в семье — открытые, не скрывают ничего ни друг от друга, ни от друзей и знакомых. Но когда их беспокойств слишком много, так, что тоже начинаешь волноваться, родители всегда успокоят, словно руку протянут, во всех значениях этих слов. Словно по темному лесу идешь; в одиночку и было бы страшно, а так — надежно. Оттого и довериться им можно всегда».

3. *«Непрозрачное пространство»*. «Непросто с этими взрослыми — то им не так, это не этак, а им самим, похоже, сложно справляться с трудностями. Правда, они об этом сами не очень-то говорят, а зачастую словно бегут от забот: «Слишком много ножек у сороконожек. Я изнемогаю. И пошла гулять» — как там было, в том детском стихотворении? Спасибо, что на негативном не очень застревают. Но за них немного тревожно — а сами-то справятся? А что я могу — возьму книгу в руки, и вот я в том мире, что создан писателями. Или включу компьютер и сижу в Интернете — создам себе пространство, и мне в нем хорошо. Зато столько интересного можно узнать».

4. *«Невидимое пространство»*. «Старшие все время недовольны, в том числе тобой, а в чем дело, не поймешь. Бывает, что ничего не скажут, только поглядят на тебя, а у тебя уже все валится из рук. Но лучше не говорить, что тебе неприятно — снова посмотрят так, что в другой раз и сказать об этом не захочется. Вроде и не вынуждают тебя тревожиться, а тревожно. И еще тяжело, что нельзя ни с кем это обсудить — и сами делают вид, что в семье рай, и тебя к этому вынуждают. Зачем это им? Как будто не смогут справиться с тем, что я им выскажу, как мне порой трудно. Словно в тумане, когда и пасмурно, и не видно, что там дальше. Настроение плохое, не ясно, что к чему, старшие словно агрессию друг к другу подавляют. Высказали бы все друг другу, обсудили, легче бы стало. Но нет...».

Выводы

Итак, наше исследование показало, что результаты, полученные по проективной методике «Пространство дерева и света» К. Адамс, впервые использованной в эмпирическом исследовании и отражающей опыт взаимоотношений в родительской семье, обусловленный особенностями социальной ситуации развития, хорошо соотносятся с большинством характеристик семейных дисфункций и проявлениями эмоциональной привязанности взрослых в близких отношениях.

Опыт применения методики К. Адамс убеждает, что она не только становится средством актуализации подобного опыта, но и открывает возможности для его обсуждения. Статистический анализ данных показал, что для групп респондентов, выбравших картинку, символизирующую тот или иной вариант духовного мира ребенка, характерны специфические профили семейных эмоциональных коммуникаций и опыта близких отношений, говорящие об особенностях социальной ситуации развития в родительской семье. Прояснить эти особенности помогают ответы на вопросы о том, что ребенок, изображенный на картинке, чувствует, думает, делает. Таким образом, выбор картинки, символизирующей тот или иной вариант духовного мира ребенка и, как показало наше исследование, ту или иную социальную ситуацию развития в родительской семье, выступает своеобразной эвристикой, позволяющей строить гипотезы об особенностях взаимоотношений в родительской семье клиента, которые могут влиять на его нынешнюю эмоциональную жизнь и взаимоотношения с социальным окружением.

Заключение

Проективные техники одновременно являются и диагностическими методиками, и инструментами [16] практической деятельности психолога. Это показало наше исследование, в котором была доказана согласованность результатов, полученных при помощи проективной методики «Пространство дерева и света» и стандартизованных опросников «Семейные эмоциональные коммуникации» и «Опыт близких отношений», что дает правдоподобное объяснение опыта отношений в родительских семьях, позволяет обнаружить препятствия для развития гармоничных отношений и выстраивать гипотезы о специфике близких отношений взрослых.

Набор картинок «Пространство дерева и света» может стать многообещающим новым инструментом не только для оценки опыта отношений в родительской семье у взрослых, особенностей эмоциональных семейных коммуникаций, наличного опыта близких отношений, но и уникальной,

творческой психотерапевтической формой путешествия в детский опыт прошлого. Данная технология может стать навигатором и для развития отношений в семьях с признаками дисфункциональности, представители которых чаще выбирают «Непрозрачное» и «Невидимое» пространства. В этом случае можно совершать путешествия с клиентом в прошлый детский опыт, двигаясь от картинки к картинке, обсуждая эти удивительные переходы и черпая ресурсы в разных пространствах дерева и света.

Ограничения и перспективы дальнейших исследований. Преобладание в выборке женщин — одно из ограничений. Также нами не выделялись возрастные и социально уязвимые группы (люди с зависимостями, с инвалидностью, мигранты, безработные и др.). Не учитывались семейная история респондентов, типы их семей. Не изучались индивидуальные и семейные ресурсы совладания. Все это становится перспективами для дальнейшей работы с проективной методикой «Пространство дерева и света», которая может дать многообещающие результаты на разных выборках, а также пополнить арсенал техник и методик в практической деятельности психологов.

Вместе с тем это первое исследование, в котором была доказана эмпирическая валидность проективной методики «Пространство дерева и света», которая будет полезна исследователям и практикам, так как расширяет горизонты и дополняет количественные исследования, а также создает условия для вдохновения и размышлений при ее применении в эмпирических исследованиях и на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2001. 352 с.
2. Бурлакова Н.С., Олешкевич В.И. Линия методологических и прикладных разработок российской культурно-исторической клинической психологии, ориентированной на работу с индивидуальным случаем // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 144—163. DOI:10.17759/cpp.2021290409
3. Голубева Е.В., Истратова О.Н. Опыт отношений в родительской семье как предиктор психологического благополучия молодых людей // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2018. Том 7. № 2(23). С. 358—362.
4. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат. 1978. 272 с.
5. Истратова О.Н. Особенности опыта отношений в родительской семье у молодых людей (на примере полных и неполных семей) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2018. Том 7. № 5А. С. 62—67.
6. Карбанова О.А. Роль семьи и школы в обеспечении психологического благополучия младших школьников // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 5. С. 16—26. DOI:10.17759/pspe.2019240502

7. Лубовский Д.В. Внутренняя позиция обучающихся магистратуры психолого-педагогического направления // Мир психологии. 2021. № 3 (106). С. 94—103. DOI:10.51944/2073-8528_2021_3_94
8. Носуленко В.Н. Вопросы интеграции качественных и количественных методов в психологическом исследовании // Экспериментальная психология. 2021. Том 14. № 3. С. 4—16. DOI:10.17759/exppsy.2021140301
9. Одинцова М.А., Вачков И.В. Сказкотерапевтические технологии в психологическом тренинге. М.: Юрайт. 2021. 309 с.
10. Петрова Е.А. Дисфункциональные семьи как фактор психотравматизации в детском возрасте // Вестник Новгородского университета. 2017. № 4(102). С. 97—100.
11. Толстая Т.Н. На золотом крыльце сидели... / Послесл. А. Михайлова. М.: Мол. Гвардия. 1987. 191 с.
12. Холмогорова А.Б., Воликова С.В., Сорокова М.Г. Стандартизация опросника «Семейные эмоциональные коммуникации» // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Том 24. № 4. С. 97—125. DOI:10.17759/cpp.2016240405
13. Чистопольская К.А., Митина О.В., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Семикин Г.И., Чубина С.А., Озоль С.Н., Дровосеков С.Э. Адаптация краткой версии «переработанного опросника — опыт близких отношений (ECR-R) на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 5. С. 87—98. DOI:10.31857/S020595920000838-7
14. Adams K. Navigating the spaces of children's spiritual experiences: influences of tradition(s), multidisciplinary and perceptions // International Journal of Children's Spirituality. 2019. Vol. 24. № 1. P. 29—43. DOI:10.1080/1364436X.2019.1619531
15. Frewen P., Zhu J., Lanius R. Lifetime traumatic stressors and adverse childhood experiences uniquely predict concurrent PTSD, complex PTSD, and dissociative subtype of PTSD symptoms whereas recent adult non-traumatic stressors do not: results from an online survey study // European journal of psychotraumatology. 2019. Vol. 10(1). 1606625. DOI:10.1080/20008198.2019.1606625
16. Gregory Z. The page as place: how we enter into images as place // International Journal of Art Therapy. 2021. DOI:10.1080/17454832.2021.1995453
17. Karatzias T., Shevlin M., Fyvie C., Grandison G., Garozi M., Latham E., Sinclair M., Ho G., McAnee G., Ford J.D., & Hyland P. Adverse and benevolent childhood experiences in Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) and Complex PTSD (CPTSD): implications for trauma-focused therapies // European journal of psychotraumatology. 2020. Vol. 11(1): 1793599. DOI:10.1080/20008198.2020.1793599
18. Kuhar M., & Zager Kocjan G. Associations of adverse and positive childhood experiences with adult physical and mental health and risk behaviours in Slovenia // European Journal of Psychotraumatology. 2021. Vol. 12(1): 1924953. DOI:10.1080/20008198.2021.1924953
19. Küffer A.L., Thoma M.V. & Maercker A. Transgenerational aspects of former Swiss child laborers: do second generations suffer from their parents' adverse early-life experiences? // European Journal of Psychotraumatology. 2016. 7(1). DOI:10.3402/ejpt.v7.30804

20. Moroni C.M., Espinosa L.A. O., González M.M., Korniejczuk V.A., Jiménez D.A.G., Escobar E.Q. & Rincón A.V. Spiritual health, family functioning and symptoms of depression and anxiety among adults from a sample of northeastern Mexico // *Cogent Psychology*. 2021. 8(1): 1980259. DOI:10.1080/23311908.2021.1980259
21. Shaw L., Hansen H. & St Clair-Thompson H. Mental toughness is a mediator of the relationship between positive childhood experiences and wellbeing // *European Journal of Developmental Psychology*. 2022. DOI:10.1080/17405629.2022.2058485
22. Shaw R.L., Hiles D.R., West K., Holland C. & Gwyther H. From Mixing methods to the logic(s) of inquiry: taking a fresh look at developing mixed design studies // *Health Psychology and Behavioral Medicine*. 2018. Vol. 6(1). P. 226–244. DOI:10.1080/21642850.2018.1515016
23. Stafford M., Kuh D.L., Gale C. R., Mishra G., & Richards M. Parent-child relationships and offspring's positive mental wellbeing from adolescence to early older age // *The journal of positive psychology*. 2016. Vol. 11(3). P. 326–337. DOI: 10.1080/17439760.2015.1081971
24. van der Velden P.G., van Bakel H., de Cock E., Contino C., & Das M. Chronic mental health problems and use of mental health services among adults with and without adverse childhood experiences: a 6-year longitudinal population-based study // *Journal of Mental Health*. 2021. DOI:10.1080/09638237.2021.1922633
25. Zarse E.M., Neff M.R., Yoder R., Hulvershorn L., Chambers J.E. & R. Chambers A., Schumacher U. The adverse childhood experiences questionnaire: Two decades of research on childhood trauma as a primary cause of adult mental illness, addiction, and medical diseases // *Cogent Medicine*. 2019. Vol. 6(1). DOI:10.1080/2331205X.2019.1581447

REFERENCES

1. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Proektivnye metody: teoriya, praktika primeneniya k issledovaniyu lichnosti rebenka [Projective techniques: theory, practice of application for studying child's personality]. Moscow: Publ. Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2001. 352 p.
2. Burlakova N.S., Oleshkevich V.I. Liniya metodologicheskikh i prikladnykh razrabotok rossiiskoi kul'turno-istoricheskoi klinicheskoi psikhologii, orientirovannoi na rabotu s individual'nym sluchaem [Russian Cultural-Historical Clinical Psychology And Its Methodological And Applied Inventions Aimed At Analysis Of Individual Case]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2021, vol. 29, no.4, pp. 144–163. DOI:10.17759/cpp.2021290409
3. Golubeva E.V., Istratova O.N. Opyt otnoshenii v roditel'skoi sem'e kak prediktor psikhologicheskogo blagopoluchiya molodykh lyudei [Experience of Relations in the Parental Family as a Predictor of Psychological Well-Being in Young People]. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2018, vol. 7, no. 2(23), pp. 358–362.
4. Dodonov B.I. Emotsiya kak tsennost' [Emotions as a Value]. Moscow: Publ. Politizdat, 1978. 272 p.
5. Istratova O.N. Osobennosti opyta otnoshenii v roditel'skoi sem'e u molodykh lyudei (na primere polnykh i nepolnykh semei) [Features of the experience of relations in

- the parental family of young people (on the example of two-parent and single-parent families)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 2018, vol. 7, no. 5A, pp. 62—67.
6. Karabanova O.A. Rol' sem'i i shkoly v obespechenii psikhologicheskogo blagopoluchiya mladshikh shkol'nikov [The Role of Family and School in Securing Psychological Well-Being of Primary School Children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2019, vol. 24, no. 5, pp. 16—26. DOI:10.17759/pse.2019240502
 7. Lubovskii D.V. Vnutrennyaya pozitsiya obuchayushchikhsya magistratury psikhologo-pedagogicheskogo napravleniya [The Internal Position of The Master's Degree Students of the Psychological and Pedagogical Direction]. *Mir psikhologii* [Psychology World], 2021, no. 3(106), pp. 94—103. DOI:10.51944/2073-8528_2021_3_94
 8. Nosulenko V.N. Voprosy integratsii kachestvennykh i kolichestvennykh metodov v psikhologicheskom issledovanii [Integration Issues of Qualitative and Quantitative Methods in Psychological Research]. *Ekspertim'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 4—16. DOI:10.17759/exppsy.2021140301
 9. Odintsova M.A., Vachkov I.V. Skazkoterapevticheskie tekhnologii v psikhologicheskom treninge [Fairy tale therapy technologies in psychological training]. Moscow: Publ. Yurait, 2021. 309 p.
 10. Petrova E.A. Disfunktsional'nye sem'i kak faktor psikhotraumatizatsii v detskom vozraste [Disfunctional Families as a Factor of Psychotraumatism in Childhood]. *Vestnik Novgorodskogo universiteta* [Bulletin of the Novgorod University], 2017, no. 4(102), pp. 97—100
 11. Tolstaya T.N. Na zolotom kryl'tse sideli... [Sitting on a golden porch] / Poslesl. A. Mikhailova. Moscow: Publ. Mol. Gvardiya, 1987. 191 p.
 12. Kholmogorova A.B., Volikova S.V., Sorokova M.G. Standartizatsiya oprosnika «Semeinye emotsional'nye kommunikatsii» [Standardization of the Test «Family Emotional Communication»]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2016, vol. 24, no. 4, pp. 97—125. DOI:10.17759/cpp.2016240405
 13. Chistopol'skaya K.A. et al. Adaptatsiya kratkoi versii «pererabotannogo oprosnika — opyt blizkikh otnoshenii (ECR-R) na russkoyazychnoi vyborke [Adaptation on a russian sample of the short version of experience in close relationships-revised questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychology Journal], 2018, vol. 39, no. 5, pp. 87—98. DOI:10.31857/S020595920000838-7
 14. Adams K. Navigating the spaces of children's spiritual experiences: influences of tradition(s), multidisciplinary and perceptions. *International Journal of Children's Spirituality*. 2019, vol. 24, no. 1, pp. 29—43. DOI:10.1080/1364436X.2019.1619531
 15. Frewen P., Zhu J., Lanius R. Lifetime traumatic stressors and adverse childhood experiences uniquely predict concurrent PTSD, complex PTSD, and dissociative subtype of PTSD symptoms whereas recent adult non-traumatic stressors do not: results from an online survey study. *European Journal of Psychotraumatology*, 2019, vol. 10(1). 1606625. DOI:10.1080/20008198.2019.1606625.

16. Gregory Z. The page as place: how we enter into images as place. *International Journal of Art Therapy*, 2021. DOI:10.1080/17454832.2021.1995453
17. Karatzias T. et al. Adverse and benevolent childhood experiences in Posttraumatic Stress Disorder (PTSD) and Complex PTSD (CPTSD): implications for trauma-focused therapies. *European Journal of Psychotraumatology*, 2020, vol. 11(1). 1793599. DOI:10.1080/20008198.2020.1793599
18. Kuhar M., Zager Kocjan G. Associations of adverse and positive childhood experiences with adult physical and mental health and risk behaviours in Slovenia. *European Journal of Psychotraumatology*, 2021, vol. 12(1). 1924953. DOI:10.1080/20008198.2021.1924953
19. Küffer A.L., Thoma M.V., Maercker A. Transgenerational aspects of former Swiss child laborers: do second generations suffer from their parents' adverse early-life experiences? *European Journal of Psychotraumatology*, 2016, vol. 7(1). DOI:10.3402/ejpt.v7.30804
20. Moroni C.M. et al. Spiritual health, family functioning and symptoms of depression and anxiety among adults from a sample of northeastern Mexico. *Cogent Psychology*, 2021, vol. 8(1). 1980259. DOI:10.1080/23311908.2021.1980259
21. Shaw L., Hansen H., St Clair-Thompson H. Mental toughness is a mediator of the relationship between positive childhood experiences and wellbeing. *European Journal of Developmental Psychology*, 2022. DOI:10.1080/17405629.2022.2058485
22. Shaw R.L. et al. From Mixing methods to the logic(s) of inquiry: taking a fresh look at developing mixed design studies. *Health Psychology and Behavioral Medicine*, 2018, vol. 6(1), pp. 226—244. DOI:10.1080/21642850.2018.1515016
23. Stafford M., Kuh D.L., Gale C.R., Mishra G., & Richards M. Parent-child relationships and offspring's positive mental wellbeing from adolescence to early older age. *The Journal of Positive Psychology*, 2016, vol. 11(3), pp. 326—337. DOI:10.1080/17439760.2015.1081971
24. van der Velden P.G. et al. Chronic mental health problems and use of mental health services among adults with and without adverse childhood experiences: a 6-year longitudinal population-based study. *Journal of Mental Health*, 2021. DOI:10.1080/09638237.2021.1922633
25. Zarse E.M. et al. The adverse childhood experiences questionnaire: Two decades of research on childhood trauma as a primary cause of adult mental illness, addiction, and medical diseases. *Cogent Medicine*, 2019, vol. 6(1). DOI:10.1080/2331205X.2019.1581447

Информация об авторах

Одицова Мария Антоновна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии и педагогики дистанционного обучения факультета дистанционного обучения, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Лубовский Дмитрий Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>, e-mail: lubovsky@yandex.ru

Гусарова Елена Сергеевна, магистр психологии, модератор Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФБГОУ ВО МГППУ); семейный психолог, частная психологическая практика, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6968-5253>, e-mail: bondarevae@fdomgppu.ru

Иванова Полина Андреевна, магистр психологии, выпускник Московского государственного психолого-педагогического университета (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6343-4979>, e-mail: ivanova.polina.andreevna@gmail.com

Information about the authors

Maria A. Odintsova, PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3106-4616>, e-mail: mari505@mail.ru

Dmitry V. Lubovsky, PhD in Psychology, Professor of the UNESCO Department «Cultural-historical Psychology of Childhood», Moscow State University of Psychology & Education, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7392-4667>, e-mail: lubovsky@yandex.ru

Elena S. Gusarova, MA in Psychology, Moderator, Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research PsyDATA, MSUPE, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow; Family psychologist, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6968-5253>, e-mail: bondarevae@fdomgppu.ru

Polina A. Ivanova, MA in Psychology, Moscow State University of Psychology & Education graduate, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6343-4979>, e-mail: ivanova.polina.andreevna@gmail.com

Получена 25.05.2022

Received 25.05.2022

Принята в печать 31.08.2022

Accepted 31.08.2022